

В ОДИН из дней 1910 года в редакции «Сибиря» не отвечал телефон: журналисты провожали в последний путь своего коллегу Александра Морицовича Гейнриха. «От чашотки скончался, как и положено остроумному человеку», – резюмировал кто-то из сотрудников.

Журналистских кругах Иркутска Гейнрих имел репутацию универсала: в «Сибирской заре» он не только собирал каждый номер, исполняя обязанности ответственного секретаря, но и успевал отслеживать местную театральную жизнь и представлять её на страницах газеты очень живо и ярко. В «Сибиря» же обнаружилась удивительная способность Гейнриха откликаться на события дня стихотворными фельетонами. Но ещё блистательный этот талант проявился в жанре судебного репортажа. Короткими яркими сценами Александр создавал эффект присутствия в зале и всё, происходившее там, превращал в своеобразный ликбез. Удивлял и его одинаково ироничный взгляд на обвиняемых и обвиняющих, и готовность дать читателю самому сделать выводы. Гейнрих как бы перешёл со скамейки прессы в места для публики, но остался самым внимательным, самым умным из зрителей. Да к тому же и прекрасным рассказчиком.

Публика просит «сделать погром»

Репортажи Гейнриха интересны и тем, что показывают эволюцию жанра судебного репортажа. Ещё в 70–80-х годах девятнадцатого столетия публикации газет «Сибирь» чрезвычайно раздвинула публика, наполнявшая залы судебных заседаний; особенно дамы, всегда нарядно одетые и причёсанные как для поезда в театр. А они ведь и в самом деле воспринимали процессы в судах как сценические представления, только более яркие и совершенно непредсказуемые. Нередко финальное заседание и приговор так поражали, что город надолго погружался в пересуды, вызывавшие лишь презрительную усмешку авторов глубокомысленных переводов и пространных статей с претензией на академичность. Не удивительно, что, к примеру, в «Восточном обозрении» рубрика «Судебная хроника» появилась только в 1889 году. Но и тогда корреспонденты ещё дистанцировались от материала и подыскивали оправдания для своего появления в зале заседаний: «дело весьма интересное в смысле характеристики, в каких руках иногда находится направление и участь целого следствия». Из огромной массы материала обозреватели выбирали лишь то, что «поднимается над частной жизнью», – отсюда и

«Судный» день

Судебный репортаж на страницах дореволюционной иркутской прессы

авторская отстранённость, и поза разоблачителей, и масса риторических вопросов: доколе?! как можно?! как не стыдно?! Первые десять лет судебного репортажа появляется на страницах «Восточного обозрения» не регулярно: после больших публикаций с продолжением (отчёты с громких процессов) следуют месяцы молчания. Но плюс в том, что хроникёров уже не раздражает публика; в номере от 20 декабря 1892 года «Восточное обозрение» даже посетовало: «Прекрасно отделанный зал заседаний губернского суда имеет важный недостаток: судейская его половина отделена от мест для публики капитальной стеной, в которой прорезаны три арки, не достигающие до потолка. Поэтому звук из судейской половины зала плохо доходит даже до первых скамей, отведённых для публики».

Семь лет спустя это же издание создало прецедент, дав место очень своеобразному судебному репортажу – написанному как зарисовка из жизни проститутки. А в 1904 году и официальные «Иркутские губернские ведомости» запустили в печать «Дело вдовы псаломщика Ираиды Кручинной». Это был уже настоящий газетный сериал с массой пикантных подробностей и многообещающим «Продолжение следует». Причём, следовало оно с пропуском номеров: редакция удерживала интригу, а вместе с ней и интерес к своему изданию. Что до хроникёра, то он явно упивался своей работой, забывая о стройности изложения и красоте оборотов, заранее отвечая на возможные возникнуть вопросы.

Обратная сторона «парада»

К началу двадцатого века появляются несомненные признаки использования жанра судебного репортажа как механизма повышения тиража. И это новый взгляд закономерно как отражение новой роли самой прессы. Дело же в том, что к началу двадцатого века значительно возросло число образованных обывателей, заинтересованных в ежедневной покупке газет – и, стало быть, расширилось представление о потенциальном читателе. После русско-японской войны и первой русской рево-

люции публика так разделилась, что не находилось уже издания, одинаково интересного для всех; начался настоящий «парад» газет. И весьма характерно, что новыми средствами информации завладевали уже не литераторы, а частные поверенные, доктора, типографы – все, кто желал дать применение личному капиталу. Понятно, что этими предпринимателями двигала вовсе не любовь к печатному делу, а обыкновенное стремление к прибыли, и довольно скоро пресса из судьи и наставника превратилась в фабрику информационных товаров. В книге воспоминаний редактор-издатель «Восточного обозрения» Иван Иванович Попов прямо пишет, что хроника русско-японской войны дала возможность увеличить тираж и неплохо заработать.

И старушка «Сибирь», изначально взыскательная и разборчивая во всём, почти утратила обаяние. Весной 1914-го, когда слушалось знаменитое дело Метельных, эта газета отдавала репортажам из зала суда целые полосы, и даже выпустила большим тиражом несколько приложений. При этом репортёр не особенно и старался, доверившись искусству стенографистов. А временами чуть не причмокивал от лёгкой наживы: «Во втором и третьем новых показаниях, более пространных и чрезвычайно пикантных, изобилующих весьма интересными деталями, свидетель говорит о своих взаимоотношениях с женой, детьми».

Скандальность добытого следствием материала давала корреспондентам обманчивую уверенность, что «забытый факт» сам вынесет к успеху, и нет нужды утруждать себя даже и простейшим анализом. То есть при внешнем развитии жанра судебного репортажа к середине десятилетия годов двадцатого века обозначились уже признаки его внутреннего распада. Коммерческий успех, очевидный и несомненный, сопровождался уступками в мастерстве, а утрата профессионализма никогда не проходит даром. И всё-таки судебные репортажи конца девятнадцатого – начала двадцатого века несут массу интереснейшей информации – как прямые свидетельства начавшихся в обществе перемен.

И кто б мог подумать?!

Весной 1900 года публика натурально обмерла, увидев на скамье подсудимых двух священнослужителей, обвиняемых в подлоге завещания. А тремя годами раньше обыватели спорили: оштрафуют ли священника Беляева и дьякона Попова за антисанитарное состояние надворных построек при Владимирской церкви. Многие склонялись к тому, что не оштрафуют, – и ведь ошиблись! Удивил и исход дела по обвинению старшей прачки Института благородных девиц в ущемлении прав младшей прачки. И хотя свидетели старательно уходили от ответов, Лопатину приговорили к недельному аресту при полиции. Суд не смутил и вынесение наказания всеми уважаемому Василию Андреевичу Белоголовому, члену городской управы. Самое же любопытное в том, что дело против него начали его же подчинённые – делопроизводитель Кларк и писец Плещинский. С помощью двух присяжных поверенных им удалось доказать, что патрон оклеветал их. И на четыре месяца усадить обидчика в тюремный замок.

Судебные репортажи очень точно характеризуют и каждый временной отрезок в истории городского управления. Скажем, в 1898 году, в бытность головой Владимира Платоновича Сукачёва, слушалось дело по обвинению чиновника Михаила Матвеева в нарушении тишины, краже часов и оскорблении женщины действием. Столь грозную интерпретацию получил вот какой эпизод в Интендантском саду: господин Матвеев, увидев идущую по аллею знакомую, отправился ей навстречу, но дама заметила, что он нетрезв, и демонстративно отказалась с ним познакомиться. Чиновник почувствовал себя оскорблённым, схватил обидчицу за руки и так тряхнул, что часы упали с руки. А потом ещё бросил ей вдогонку грубое слово. Возмущённая дама обратилась в суд, и выбранный ею присяжный поверенный нашёл очень убедительный аргумент: «От решения по этому делу зависит, смогут ли наши сёстры, жены и дочери показываться на улице!» Одним словом, пришлось Матвееву месяцы провести под арестом при полиции.

Тогда же, в бытность городским головой Владимира Платоновича Сукачёва, извозчика могли осудить за то, что подвёз пассажиров к театру, не зажигая фонарей на своей пролётке. И извозчик не возражал: он понимал, что нарушил один из пунктов думского постановления о биржевом промысле. Тринадцать лет спустя, в бытность городским головой Ивана Фёдоровича Исцеленнова, иркутские извозчики уже так распустились, что городская дума была челом губернатору, умоляя их обуздать.

Для исследователей любопытно и обилие дел, в которых обвиняемыми выступали полицейские. А в январе 1914-го на скамью подсудимых попал и мировой судья 8 участка Иркутска господин Каретников – за расстратку залоговых 9 тысяч рублей и вымогательство. Палата приговорила Каретникова к двум годам арестантских отделений, и, несмотря на мольбы, не зачла двух лет предварительного заключения.

Исследователю обратит внимание и на огромную разницу в степени наказаний за уголовные преступления: ранения и даже убийства, совершённые в пьяном виде, карались заключением от полугода до четырёх лет. К примеру, тункинского крестьянина Попова, в пьяной драке убившего своего родственника, приговорили к 6 месяцам тюрьмы и церковному покаянию. Об этом рассказала газета «Восточная заря» в номере от 12 ноября 1909 года. Она же чуть ранее (23 октября) в репортаже «Пастух-убийца» поведала о том, как пастух Бурдеев поссорился с черемховским крестьянином Красноперовым и смертельно ранил его. Суд счёл возможным приговорить Бурдеева к двум с половиной годам арестантских отделений. В то время, как в том же, 1909 году, Юлиан Максунювич, бежавший из ссылки на родину (попрощаться с умирающей матерью), получил три года каторги. А крестьянин Александр Андреев за две украденных бутылки молока потерял свободу на восемь месяцев...

Абсурд, как и водится, часто соседствовал с курьёзом, и газеты, много писавшие о необходимости судебной реформы, с не меньшей охотой давали место анекдотичным историям из жизни преступного мира. Вот одна из них, в пересказе.

Подхватили товарища и унесли

К шести часам вечера к пивной лавке у Хлебного базара стали подтягиваться завсегдатаи. И они с удивлением отметили, что напротив, у мостика над водосточной канавой, деловито расположились четверо молодых людей с новенькими лопатами.

Чиновник иркутского губернского суда

– Ты подумай-ка: на ночь глядя заставили водосток углублять! – не сдержался бородач лет пятидесяти, обернувшись к своему молодому спутнику.
– А вот нас с тобой и не заставит никто! – весело хохотнул тот в ответ, уже открывая дверь в пивную. – А вы – в рабстве по собственному желанию! – озорно оглянулся он на рабочих с лопатами и даже позволил себе неумеренно жест.
Копатели не обратили на него никакого внимания: они так споро трудились, что и часа не прошло, как вошли под мостик и стали подкапывать под стену. Коловоротом просверлили несколько дыр в полу, долотом вырубали отверстие и проникли в магазин.
– Это ещё что, – усмехнулся довольный пристав. – У нас и похлеще бывает. Вот недавно Евдокия Пирогова со Знаменской улицы услышала, как кто-то выдергивает болты у неё в ставнях, и, даже не одевшись, побежала к окошку с железной палкой в руках. И так ударила громилой по голове, что он сразу свалился.
– Так он один был? – удивился приказчик.
– Да нет, на улице ещё двое стояли. Но Пирогова так пригнул их, что быстро подхватили товарища и унесли.
Валентина Рекунова

Из судебных репортажей

КАК СКАЖЕТЕ, СУДАРЫ!

В селе Черемхове в марте сего года собралась пьяная компания. Один из присутствующих вдруг ни с того ни с сего стал снимать штаны. Другой заметил ему, что это-де нехорошо. Тот, не говоря худого слова, ударил его ножом. Отчего потерпевший вскоре умер.
– Признаёте себя виноватым? – спрашивает судья.
– Признаю – потому что свидетели на меня показывают. А сам-то я пьян был. Свидетели говорят, что мой грех, а если они на меня не покажут, то я не признаю себя виновным.
Свидетели показывают на виновного, и его приговаривают к отдаче в арестантские отделения на четыре года.
Аналогичный случай произошёл и на иркутской улице.
– Расскажите, как было дело, обращает судья к подсудимому.
– А дело было в воскресенье. Сами знаете, в праздник всякий любит выпить. Ну, зашёл я в одно место, выпил. Зашёл в другое – опять выпил. И остался у меня только 9 копеек. Иду по Кузнецкой улице. Показалась она мне странной: дома такие высокие и множество огней. Спрашиваю извозчика, какая, мол, улица.
– Кузнецкая, – говорит.
– Ага. Её-то мне и надо!
Иду. А извозчик едет за мной. Говорит: «Садитесь, барин, подвезу!» Я иду, он едет, а потом деньги с меня требуют. Два часа, говорит, ездили. А я говорю: «Негодяй! Я с тобой не ездил». Тут какие-то двое ещё подошли, говорят: «Барин, надо деньги отдать!» «Идите, говорю, с Богом своей дорогой!», а они на меня! Тут я не помню, как нож выхватил и ножом их!»
Одному из потерпевших подсудимый нанёс тяжёлую рану, от которой тот и умер; другому же – лёгкую. Суд приговорил его к отдаче в исправительные арестантские отделения на полтора года.

«Восточная заря», 9 декабря 1909 года

ЗА ВСЕХ НЕ ОТВЕТИШЬ...

Приступая к разбору дела, председательствующий П.П. Смирнов обращается к частному обвинителю Г. Разнобарскому:
– В чём вы, собственно, обвиняете редактора газеты «Сибирь» Бингера: в диффамации или клевете?
Разнобарский молчит.
Председательствующий:
– То есть, в опозорении вашего имени или в клевете?
Разнобарский молчит. Наконец, отвечает:
– Нет, ничего такого не помню.
– Я просил вас разыскать попутчика, а вы сказали: «Я тебе дам попутчика!» (при этом подсудимый делает выразительный жест кулаком). Отобрали у меня бутылку водки, а назавтра отдали.
– Нет, ничего не помню: солдат в то время много проезжало.
– Со мной всегда неудачи! – огорчённо говорит подсудимый в последнем слове. – Такая уж моя судьба... Вот я служил на Китайской дороге...
– Это к настоящему делу не относится, – перебивает его председатель. – Говорите, что можете, в своё оправдание.
– Что ж я могу сказать в своё оправдание? Бог один свидетель. Прошу у Бога доказать мою невиновность.
Суд его оправдал.

«Восточная заря», 30 октября 1909 года

«МЫ ВСЕ ТУТ ЗАОДНО!»

Выездной сессией Иркутского окружного суда в Нижнеудинске слушалось дело, вызванное, на наш взгляд, чрезмерной служебной ретивостью. В конце марта 1913 года в деревню Мало-Мамырскую приехал пристав 4 стана Нижнеудинского уезда Красовский. За недомыслием, куда попал после сдачи Порт-Артура. Он объясняет, что взял вещи по ошибке, будучи сильно пьян. Допрашивается свидетель-жандарм. За давностью происшествия он решительно ничего не может вспомнить по делу.
– Вы не помните, как вели меня на новую станцию и по дороге избили? – спрашивает подсудимый.
– Нет, ничего такого не помню.
– Я просил вас разыскать попутчика, а вы сказали: «Я тебе дам попутчика!» (при этом подсудимый делает выразительный жест кулаком). Отобрали у меня бутылку водки, а назавтра отдали.
– Нет, ничего не помню: солдат в то время много проезжало.
– Со мной всегда неудачи! – огорчённо говорит подсудимый в последнем слове. – Такая уж моя судьба... Вот я служил на Китайской дороге...
– Это к настоящему делу не относится, – перебивает его председатель. – Говорите, что можете, в своё оправдание.
– Что ж я могу сказать в своё оправдание? Бог один свидетель. Прошу у Бога доказать мою невиновность.
Суд его оправдал.

«Сибирь», 11 апреля 1914 года

ИСК МУЖА К УМЕРШЕЙ ЖЕНЕ

У иркутского мещанина Терещенко умерла жена...
– Как водится, я всё сделал честь честью, ваше Высочордие, – рассказывает скорбящий мировому судье 3 участка. – Своих денег израсходовал 106 рублей и прошу выдать мне их со сберегательной книжки жены.
Однако родственники покойной жены протестуют: за зятем признают они лишь расход в сорок рублей. И требуют выдать им принадлежавшие покойной вещи: шубу, сак, подушки, швейную машину, иконы.
– Если вещей нет, мы согласны взять за них 100 рублей, – уточняют.
– Не уступлю ни копейки! – решительно заявляет вдове. – Мне один только гроб обошёлся в 8 рублей...
– В 5! – в один голос поправляют его.
– Да ещё 5 рублей священнику...
– Неправда! 3 рубля. Да не Ваши и плачены.
– 2 рубля – за свечки...
– Кума ведь даром их принесла!
– 6 рублей 68 копеек уплатил я за вынос...
– Господь с Вами! Да мы же ведь сами бесплатно её отнесли.
– Поминальный обед обошёлся мне в 38 рублей 50 копеек...
– Нет, в 13 рублей 44 копейки!
– 6 рублей пришлось мне отдать прислуге...
– Вы хотели сказать: 60 копеек?
Такой перекрёстный огонь произвёл впечатление на Терещенко: он согласился получить со сберегательной книжки покойной жены только 40 рублей и признал встречный иск на 100 рублей.

«Восточная заря», 5 декабря 1909 года